

В. А. Шкерин

**ПОНЯТИЯ «ЦАРЬ» И «ЗАКОН» В ПРОШЕНИЯХ
ГОРНОЗАВОДСКИХ ЛЮДЕЙ УРАЛА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-103-111

УДК 94(470.5)“18”

ББК 63.3(235.55)521

В статье анализируются содержание и взаимосвязь понятий «царь» (и синонимичных ему — «монарх», «государь император» и пр.) и «закон» («узаконение», «указ» и пр.) в текстах прошений, поданных в первой половине XIX в. от имени работников государственных и частных горных заводов Урала, а также от членов их семей. Источниковой базой исследования послужили более 170 неопубликованных прошений, выявленных автором статьи в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и Государственном архиве Свердловской области (ГАСО). Аутентичность прошений не освобождает исследователя от необходимости критического анализа их содержания. Прощения создавались в условиях споров и конфронтаций, поэтому характеристики и оценочные суждения в них грешат преувеличениями. Царь представлен в образе не только главного законодателя, но и сакральной силы. Законы служили инструментом выражения высочайшей и справедливой воли царя. Однако авторы прошений осознавали, что государство — это не только государь. Помимо «указов Его Императорского Величества» упоминаются иные юридические акты, связь которых с высочайшей волей была не столь очевидна. Силой, противостоявшей царю, законам и самим просителям, представлялись заводские и региональные администрации. Эти администрации якобы превратно трактовали царские указы, манипулировали юридическими актами и создавали свои несправедливые законы. И если справедливость царской власти оставалась несомненной, то ее эффективность вызывала сомнения.

Ключевые слова: Урал, первая половина XIX в., горнозаводские люди, царь, монарх, император, закон, указ

В статье 1990 г. выдающийся историк и культуролог А. Я. Гуревич призвал «порвать с традицией изучения истории культуры как исключительно достояния элиты и как продукта ее деятельности»: «Речь идет об изучении образа мыслить и чувствовать, присущего рядовым членам общества, о раскрытии иной точки зрения на мир и человека, которая была присуща трудящимся, как низшим прослойкам имущих, так и социальным маргиналам».¹ Призыв прозвучал в последний год существования СССР и, следовательно, констатировал, что советская историческая наука, провозглашавшая массы главными движущими силами истории, так и не создала за время своего существования полноценной картины народного мировоззрения и народной ментальности.

Признаем объективную сложность поставленной задачи: вплоть до эпохи всеобщей грамотности письменное слово составляло привилегию «верхов», «низы» же большей частью

¹ Гуревич А. Я. Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 34, 35.

оставались безгласны. Массовым аутентичным источником, позволяющим приподнять завесу молчания «низов», могут служить поданные от их имени челобитные/прошения.² Исследованию прошений российских крестьян посвящены десятки статей. Что же касается горнозаводских людей Урала (объединим под этим названием мастеровых, приписных и подзаводских крестьян, непрременных и урочных работников), то подобные статьи единичны и опубликованы еще в советский период.³

Наша работа посвящена анализу содержания и употребления понятий «царь» (и синонимичных ему — «монарх», «государь император»,

² О смене наименований «челобитная» на «прошение» см.: Русанова С. В. Термины челобитная и прошение в законодательных актах XVIII в. // Acta Linguistica Petropolitana: труды Института лингвистических исследований. 2016. Т. 12, № 3. С. 705–716.

³ См.: Орлов А. С. Челобитные уральского горнозаводского населения в комиссию А. А. Вяземского (1763–1764 гг.) // Уральский археографический ежегодник за 1971 год. Свердловск, 1974. С. 135–152; Покровский Н. Н. Жалоба уральских заводских крестьян 1790 г. // Сибирская археология и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 155–182; Черкасова А. С. Челобитные мастеровых и работных людей как исторический источник по истории положения и классовой борьбы трудящихся Урала // Новые источники по истории классовой борьбы трудящихся Урала. Свердловск, 1985. С. 16–29; Чудиновских В. А. Прощения рабочих как источник по истории рабочего движения в России // Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск, 1975. С. 133–139.

«его императорское величество») и «закон» («узаконение», «указ» и пр.) в прошениях горнозаводских людей Урала первой половины XIX в. Какое место занимали эти понятия в лексиконе и мировоззрении горнозаводских людей? В какой взаимосвязи находились? Как заводские люди применяли их в прошениях для обоснования своих притязаний?

Источниковую базу исследования составили более 170 неопубликованных прошений, выявленных в РГИА, РГАДА и ГАСО и поданных от имени действующих и отставных мастеровых и работников вспомогательных производств казенных и частных горнозаводских округов Урала, а также от имени их жен и вдов.⁴ Привлекался и материал опубликованных прошений. Датировка использованных документов охватывает 1806–1856 гг., при этом наиболее многочисленны прошения, поданные по случаю посещения Урала высокопоставленными визитерами (цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г., заводчиком графом С. Г. Строгановым в 1846 г. и др.). Помимо правивших в этот период монархов Александра I и Николая I, членов императорской фамилии (цесаревича, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, герцога Максимилиана Лейхтенбергского), адресатами прошений выступали: министры финансов и юстиции, сенаторы, вице-директор Департамента горных и соляных дел, пермские губернаторы, главные начальники горных заводов хребта Уральско-го, берг-инспекторы, окружные начальники, заводские исправники, владельцы горнозаводских округов и иные влиятельные лица, равно как и коллективные органы — Пермское и Уральское горные правления, комиссии, учрежденные для разбора конфликтных ситуаций на Нижнетагильских (1812 г.) и Кыштымских заводах (1822 г.), а также для «обозрения заводов хребта Уральского» (1825 г.).

Авторитетный специалист по аграрной истории XIX в. Б. Г. Литвак полагал, что среди крестьянских прошений «в очень редких случаях индивидуальная по форме жалоба не превращалась в коллективную по своему содержанию,

так как в ней говорилось о “мире”, общине, вотчине в целом».⁵ Был ли коллективистский образ мышления действительно присущ крестьянам в большей степени, чем их заводским современникам, или же такой вывод появился в результате подсознательно тенденциозного подбора источников, но сугубо частные прошения горнозаводских людей весьма многочисленны. Просьбы о разрешении имущественных споров и жалобы на соседей учитывались нами наравне с коллективными прошениями.

Челобитные, прошения, жалобы создавались в ситуациях противостояний, споров и в расчете на чтение, восприятие конкретным адресатом-реципиентом (представления авторов о котором могли быть в разной степени иллюзорными). Лица, мешавшие реализации притязаний просителей, характеризуются в таких документах сугубо отрицательно. Адресат, на которого возлагались надежды в разрешении спора, наоборот, предстает воплощением справедливости и законности. И первое, и второе ожидаемо и понятно. Ведомые своими интенциями, просители усиливали как отрицательные, так и положительные характеристики. Поскольку же сам государь и «государевы слуги» часто служили адресатами прошений, то образ первого представлялся поистине безупречным: «Сиятельный блеск правосудия, изливаемый премудрым и милосердным правлением Всеавгустейшего Монарха ко всем верным его подданным, доставляющий блаженную жизнь, наивсегда спокойное в пределах своих пребывание...»⁶ Зато в почти полусотне индивидуальных прошений, с которыми крепостные работники Добрянского завода (Билимбаевский горный округ) обратились к графу С. Г. Строганову в 1846 г., царь и закон не упомянуты ни разу.⁷ Предоставление материальной помощи и списание долгов («переходов»), увольнение от заводских работ и назначение пенсионов, выделение или увеличение хлебной выдачи — все эти и прочие вопросы находились в ведении «полного хозяина» — заводчика, поэтому просители предпочитали не поминать государя всеу.

Свои особенности имеются у вопроса об авторстве прошений. Процесс создания прошений предполагал различные роли, каждая из которых исполнялась индивидуально или кол-

⁴ Казенные округа представлены документами: Богословский — 7, Гороблагодатский — 6, Екатеринбургский — 41, Златоустовский — 9, Пермский — 7; частные округа: Авзяно-Петровский Губинных и Кагинский Демидовых (совместные прошения) — 2, Алапаевский Яковлевых — 1, Верх-Исетский Яковлевых — 3, Билимбаевский Строгановых — 48, Кыновский Строгановых — 4, Кыштымский наследник Расторгуева — 9, Невьянский Яковлевых — 2, Нижнетагильский Демидовых — 26, Сергинский Губинных — 5, Сысертский наследник Турчанинова — 4, Юговской Кнауфа — 1.

⁵ Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг. История и методика изучения источников. М., 1989. С. 184–186.

⁶ Прощение неперемных работников Алапаевских заводов С. С. Яковлева на имя министра юстиции от 13 декабря 1808 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 54. Л. 2.

⁷ См.: РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4590; 4621; 4625.

лективно: просителей (интересантов), поверенных, сочинителей, заверителей и переписчиков.

В индивидуальных прошениях все роли могли быть представлены одним лицом: грамотный мастерской писал прошение от своего имени или же имя сочинителя было скрыто. При подаче коллективных прошений за «вышеписанных просителей и за себя» писал и подписывался знавший грамоту — «по выданному мирскому приговору поверенный». В апреле 1820 г. мастерские Берёзовских золотых приисков (Екатеринбургский горный округ) выдали письменные доверенности «просить в чинимых... от местных начальств обидах и притеснениях и подать на высочайшее имя куда следует прошения» своим товарищам Г. П. Гуляеву и Е. Т. Дюрягину.⁸ В мае подобную доверенность выдали «вдовствующие жены Берёзовского завода»: «И что вы учините законно, то мы спорить и прекословить не будем и тоже имеем полную благонадежность, в чем и остаемся покорными послушницами».⁹ Смотритель при пожарных машинах Егор Дюрягин показал себя истинным лидером мастерских («обличен яко первый зачинщик того смятения») и даже после побега из-под стражи слал прошения Александру I, вдовствующей императрице, М. М. Сперанскому и иным влиятельным персонам.¹⁰

Если грамотных в обществе не находилось, привлекались наемные сочинители. Роль их могла остаться скрытой, но могла быть представлена и весьма подробно: «Сие прошение со слов просителя Афонасия Куприянова сочинил и по личной его просьбе переписал и по прочтении ему за неумением грамоте вместо ево к оному руку приложил челябинской мещанин Дмитрий Петров сын Блинов».¹¹ Советские историки рассматривали прошения трудящихся в контексте классовой борьбы и авторами их считали поверенных — «мирских челобитчиков» и даже сам «мир».¹² Такой

подход оправдан и с юридической точки зрения: как правило, государство преследовало поверенных, но не сочинителей. Упомянутый Куприянов был сослан в Орскую крепость,¹³ Блинов же не пострадал. Имена сочинителей могли заинтересовать следователей лишь в особо резонансных случаях. Советник Уральского горного правления полковник П. П. Карпов, безуспешно пытавшийся в апреле 1841 г. погасить конфликт на Ревдинском заводе Демидовых (дело дошло до столкновения с воинской командой),¹⁴ выяснил, что прошение от имени возмущившихся углежогов написано не «неизвестно кому принадлежащим крепостным крестьянином Наумом Фетисовым, как значится из рукоприкладства», но «просьбу сочинял Нижне-Сергинского завода служитель Трубников, а переписывал Василий Осипов», которые «получили за сочинение оной 8 руб. и выпили с просителями полтора штофа вина».¹⁵ В прошении 1825 г. на имя вице-директора Департамента горных и соляных дел Н. А. Шленёва поверенные непременных работников Каменского завода (Екатеринбургский округ) П. И. Мальцов, Т. М. Чемесов и Л. Лямин как вопиющее нарушение правил отмечали, что заводская контора «не токмо нас [поверенных — *В. III.*], но даже и просимых сочинителя и переписчика завиняет».¹⁶

Вероятно, в тех случаях, когда наемный сочинитель не пользовался достаточным доверием заводских людей, привлекался заверитель, который вычитывал текст и «прилагал руку» вместо неграмотных просителей и поверенных. Индивидуальное прошение екатеринбургского мастерского Ф. Ф. Хабарова в марте 1810 г. «сочинил и набело переписал» подканцелярист Карелин, а «приказнослужительской сын Иван Афанасьев Морев» по просьбе интересанта «руку приложил».¹⁷ Прошение более 700 крепостных рабочих трех заводов Сергинского округа (Михайловского, Верхне- и Нижнесергинского), которое

⁸ См.: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 355. Л. 127–131об.; Д. 357. Л. 11, 11об.

⁹ Там же. Д. 357. Л. 12.

¹⁰ См.: Бажова А. П. Егор Дюрягин — руководитель волнений рабочих Берёзовских золотых приисков // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 171–175; Шкерин В. А. К характеристике политического и правового сознания уральских рабочих первой половины XIX в. (по материалам прошений поверенного мастерских Берёзовских золотых приисков Е. Т. Дюрягина) // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С. 165–179.

¹¹ Прошение крестьян села Рождественского Кыштымского горного округа купца Л. И. Расторгуева от 31 марта 1823 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 132. Л. 62об.

¹² Пундани В. В. Жалобы и прошения государственных крестьян Тобольской губернии в первой половине XIX века // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1975. Вып. 9.

С. 63, 64; Раскин Д. И. Использование законодательных актов в крестьянских челобитных середины XVIII века (Материалы к изучению общественного сознания русского крестьянства) // История СССР. 1974. № 4. С. 180–182; и др.

¹³ См.: Горловский М. А., Пятницкий А. Н. Из истории рабочего движения на Урале: очерки о положении крепостных рабочих Среднего Урала и их борьбе за ликвидацию крепостничества (1800–1870 гг.). Свердловск, 1954. С. 149, 150.

¹⁴ См.: Быков В. М. Возмутители (бунты в Ревдинском заводе в 1826 и 1841 годах). Свердловск, 1925. С. 53–106.

¹⁵ Рабочее движение в России в XIX веке: сб. док. и материалов. М., 1955. Т. 1, ч. 2. С. 260–261.

¹⁶ РГИА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 26. Л. 3об.

¹⁷ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1524. Л. 68.

поверенный И. И. Дехтерёв (Дегтярёв)¹⁸ в февралю 1828 г. подал главному начальнику горных заводов генералу А. А. Богуславскому, «сочинял со слов просителя и набело переписывал уволенный от службы за полученными в сражении ранами казначейской писарь Яков Антонов Шилков», а «руку приложил уволенный от службы канцелярист Василий Иванов Пиншков».¹⁹ Последний из участников процесса — переписчик, очевидно, должен был отличаться лишь красивым и разборчивым почерком. Так, прошение Гавриила Гуляева и Егора Дюрягина на высочайшее имя было переписано набело писарем Шимиевым,²⁰ при том, что некоторое время спустя, бежав из-под стражи и скрываясь на острове близ Берёзовского завода, Дюрягин писал прошения уже самостоятельно: «Сие прошение со слов просителей сочинил и набело переписал избранный поверенный от общества мастерского сословия Берёзовского золотосодержащего завода Егор Тимофеевич Дюрягин и за себя руку приложил».²¹

Язык прошений — это не живой разговорный язык трудящихся, от имени которых они составлялись. В таких документах использовался набор определенных языковых готовностей — канцеляризм, привнесенных сочинителями и обусловленных сложившимся формуляром. Но если начальные и конечные протоколы (формулы обращения к адресатам и т. д.) предполагали буквальную или почти буквальную регламентацию, то изложение сути проблем и просьб зависело от умения и навыков сочинителей, от их владения письменной речью. Поверенные и в их лице общество интересантов со своей стороны контролировали сущностное содержание прошений, слушая или читая созданные тексты, внося в них и согласовывая правку. Поскольку объектом нашего исследования являются не собственно требования/притязания просителей, а использованные в прошениях термины/понятия, то авторство таких текстов мы склонны делить между исполнителями трех ролей: просителей, поверенных и сочинителей (то есть не игнорируя вклад последних, но и не причисляя к авторам заверителей и переписчиков).

В 1837 г. «отставной из армии унтер-офицер Антон Васильев» писал коллективные и

индивидуальные прошения от имени разных мастеровых Миасского завода (Златоустовский округ), неизменно призывая путешествовавшего цесаревича Александра воззреть на горести и нужды просителей «с высоты Божественного Престола своего».²² Еще более яркую сакральную параллель проводил беглый поверенный Е. Дюрягин в прошении 1820 г. на имя Марии Федоровны: «Всемиловейшая Государыня матушка! Примите на себя такие образ и подобие, как Всевышняя Владычица непрестанными молитвами ходатайствует к возлюбленному своему сыну, к Господу нашему Иисусу Христу за весь род христианский, тако и Вы, Всемиловейшая Государыня матушка, не благосклонны будете с сим полученным от нас, бедных людей, прошением исходатайствовать к возлюбленному сыну Российского Отечества, к Его Императорскому Величеству благодетелю народов...»²³

Византийская традиция сакрализации царской власти дожила в России до конца самой монархии и в рассматриваемый период проявляла себя вполне прямолинейно. «Ты носишь образ Небесного Царя: мы в видимой славе Твоей созерцаем невидимую Его славу...» — обращался в 1801 г. митрополит Платон (Лёвшин) к недавно воцарившемуся Александру I, который спустя годы сокрушался в изданном на имя Синода указе от 27 октября 1815 г.: «...должен был, к сожалению Моему, слушать в речах, говоренных духовными лицами, такие несовместныя Мне похвалы, кои приписывать можно единому Богу».²⁴ Неудивительно, что прием уподобления царя богу и тема симфонии властей земных и небесных присутствуют во многих коллективных и индивидуальных прошениях заводских людей. «Каждый о себе, как пред небесным Царем Царей должен дать ответ и пред земным может ответствовать», — рассуждали старообрядцы Нижнетагильского завода в прошении 1837 г. на имя вновь назначенного главного начальника горных заводов генерала В. А. Глинки.²⁵ Роль противников царя и бога отводилась представителям заводских администраций. Поверенный невьянских рабочих М. Булмасов жаловался в 1823 г. главе созданной в Екатеринбурге временной горной комиссии тайному советнику В. Ю. Соймонову на заводских служителей, избивавших его

¹⁸ См.: Горловский М. А., Пятницкий А. Н. Указ. соч. С. 212–217.

¹⁹ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 87. Л. 66.

²⁰ См.: Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 355. Л. 105об.

²¹ Там же. Д. 357. Л. 46об.

²² РГИА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 88. Л. 3; Д. 89. Л. 8.

²³ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 357. Л. 35об.–36.

²⁴ Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 255.

²⁵ ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 8. Л. 293.

доверителей палками и розгами «в пылкости азарта и в небоязни суда Божия и Монаршего правосудия».²⁶ Поверенный сергинских рабочих Иван Дехтерёв в упомянутом выше прошении 1828 г. негодовал, что «приказчик Сычѳв, забыв страх Божий и суд Царев, застегал до смерти крестьянина Василия Запретилина».²⁷

Ответственность перед царем и богом обосновывалась их совместным стремлением к справедливому миропорядку. Наиболее отчетливо это стремление выражалось в законах. В начале XIX в. понятие «закон» еще не утратило религиозного содержания: «Словарь Академии Российской» (1792, 1809) трактовал его двояко — как «предписание, правило поведения» и как «определенный образ Богопочитания».²⁸ Активно эксплуатировали тему соответствия земных и небесных законов старообрядцы, помнившие лояльное к ним законотворчество Екатерины II и Александра I, но уже почувствовавшие ущемление своих прав администрацией Николая I. Рабочий Быньговского завода (Невьянский округ) В. Г. Мяхков в прошении 1835 г. на имя главного начальника заводов А. И. Дитерихса писал про единый «закон небесного Царя Царей и Царя земного».²⁹ Другие просители настаивали на том, что Христовы проповеди должны служить земным законам источником и образцом для подражания. Невьянские рабочие в прошении 1832 г. на имя того же генерала Дитерихса ссылались на манифест Екатерины II от 29 мая 1779 г.: «Основываясь на таковых высоких подражаниях Христу Спасителю, терпящего все веры, языки и исповедания, уверены в благости и милосердии нашего Венценосца, великого и благородного Монарха».³⁰ Генералу В. А. Глинке старообрядцы «Нижнетагильского и прилежащих к нему заводов» адресовали в 1837 г. вопрос: «Усиленное обращение к единоверию в добровольном ли состоит согласии со священной проповедью Христа Спасителя миру и святых премудрых апостолов и учеников его, которая проповедь подтверждена и гражданских законов тома 14-го статьей 73-й, то не ясно ли будет стеснение и совести нашей насилые?»³¹

В византийской традиции, по авторитетному замечанию А. П. Каждана, «император — не

только верховный судья, администратор, законодатель, но и воплощенный закон».³² «Всемогущий Боже, есть ли где власть, чтоб не ограничивалась законами Всеавгустейшего нашего Монарха? — риторически вопрошали нижнетагильские рабочие в 1811 г., споря с Пермским горным правлением. — Законы истекают от одного Императорского Величества, но горное правление не может принимать на себя такой власти».³³ При этом «Императорское Величество» — это не столько конкретный монарх, сколько верховная власть как таковая. «И сколько мы Вашему Императорскому Величеству служили и вся наша продолжается служба втуне безвестною Вашему Императорскому Величеству», — восклицали екатеринбургские мастеровые П. Чеканцев, Г. Карамышев и другие, обращаясь к Александру I в 1809 г.³⁴ При этом прослужили они от 17 до 28 лет, в то время как Александр Павлович не царствовал еще и восьми. Ссылки на «Указы Его Императорского Величества» в прошении наиболее часты, что отнюдь не означает, что заводские люди не знали иных юридических актов. Уже в XVIII в. на горнозаводском Урале имели хождение как сборники правовых документов, так и отдельные копии Соборного уложения 1649 г., Берг-привилегии, правительственных манифестов и пр.³⁵ В первой половине XIX в. просители ссылались на Свод законов Российской империи, на штаты казенных горных заводов, на предписания министра внутренних дел, на высочайше утвержденные доклады министра финансов и т. д. В целом понятие «закон» имело позитивные коннотации. «Защищают нас святейшие законы, кои, конечно, не допустят нас, чтоб были мы несчастны или порочны», — утверждали поверенные нижнетагильских рабочих И. Хрепников, А. Костин и Р. Корнилов в прошении 1812 г.³⁶

Однако знакомство с различными юридическими актами приводило заводских людей к допущению, что не все законы в равной степени «истекают от одного Императорского Величества». Зрело понимание, что государь — это еще не все государство. Судить об этом можно по негативным коннотациям «закона», которые пусть нечасто, но встречаются в текстах прошений.

²⁶ Из истории Урала: Урал с древнейших времен до 1917 года: сб. док. и материалов. Свердловск, 1971. С. 108.

²⁷ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 87. Л. 66.

²⁸ Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. С. 124, 125.

²⁹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 6. Л. 179.

³⁰ Там же. Д. 2. Л. 150.

³¹ Там же. Д. 8. Л. 2910б.

³² Каждан А. П. Византийская культура (X–XII вв.). М., 1968. С. 87.

³³ Рабочее движение... С. 304, 307.

³⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 62. Л. 2.

³⁵ См.: Пихоя Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII–XVIII вв.). Свердловск, 1987. С. 126–128.

³⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 60. Д. 6. Л. 214.

Крестьяне города Чистополя Казанской губернии, приписанные к Кагинским и Авзяно-Петровским заводам и долгие годы боровшиеся за открепление от них,³⁷ жаловались в 1809 г. управляющему Министерством финансов Ф. А. Голубцову на «таковое за силою закона делаемое порабощение».³⁸ Егор Дюрягин писал в прошении на высочайшее имя, что берёзовские мастеровые, сосланные за участие в волнении 1820 г. на казенный Кушвинский завод, оставили попытки добиться справедливости, «дабы не попасть строгому суждению законов и не понести напрасного оштрафования».³⁹ Каменские непреременные работники Петр Мальцов со товарищи жаловались, что заводская контора «употребляла все средства стеснить... службу и предать законному суждению».⁴⁰ Полковник П. П. Карпов доносил, что во время ревдинского бунта 1841 г. «начинщики» призывали углежогов: «Не верьте и священникам, все на нас и вместо того, чтобы защитить нас, они выискивают законы те, которые не в пользу нас».⁴¹

Откуда же брались законы «не в пользу»? Поскольку царь — лицо сакральное или, во всяком случае, в прошениях представляемое таким и не подлежащее критике, то виновники отыскивались ниже по иерархической лестнице. Вина их заключалась в неправильном прочтении — неправомерном применении законов. Бывшие крестьяне Нижегородской губернии, купленные к Уфалейским заводам (Сергинский округ), жаловались в 1803 г.: «Берг-коллегия упомянутого покупщика нашего Губина прошение... уважила разорить 15 селений и столь многочисленность привести в конечное погубление и опустошить нижеизъясненную землю, якобы по именному от 16 марта 1798 года Высочайшему Указу».⁴² Поверенный сысертских мастеровых Сила Головин писал в 1808 г. Ф. А. Голубцову, что заводское начальство, ссылаясь на монарший указ, принуждало работать их в праздничные дни и что «оной указ только не для нас, мастеровых, оной поступил от Его Императорского Величества в 1805-м году только для присутственных мест».⁴³ Без малого полвека спустя, в 1856 г., мастеровые Уинского

завода (Алапаевский округ) отмечали, что «заводоуправление неизвестно по какому закону к вящему нас обременению на оные [работы — В. III.] от себя еще налагает проценты по 12 коп. ассигнациями на рубль».⁴⁴

Егор Дюрягин, совершивший побег и на время оказавшийся вне досягаемости заводских властей, тем самым обрел возможность высказываться смелее и откровеннее прочих. В прошениях, адресованных Марии Федоровне и М. М. Сперанскому (тексты частично совпадают), он утверждал, что «высшие чины» и «судии» создали свой закон, противопоставив себя не только мастеровым, но и царю, как истинному законодателю: «К сокращению нас у нынешних судей есть закон, но не знаем, прежде был ли такой он»; «Нет законов Государя нашего батюшки, потому что судии ведут дела не по указам, а от высших чинов по приказам».⁴⁵ В незавершенном и, соответственно, неотправленном прошении на высочайшее имя он же предлагал императору доказать полноту и действенность своей власти: «И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было сие наше прошение принять и по описываемым нами обстоятельствам чрез кого следует повелеть как в воскресные, так и в праздничные дни от казенных работ давать свободу и на конец того повелеть прочесть Всемилостивейшего веления Вашего Императорского Величества Указ, дабы всяк подданный мог чувствовать, что Вы есть Монарх России и Благодетель народов».⁴⁶ Дюрягин был, возможно, наиболее дерзким, но не единственным рабочим поверенным, высказывавшим сомнение в эффективности монаршей власти. Иные, не поднимаясь до обобщений, приводили примеры такой неэффективности. Так, в прошении И. Дехтерёва говорилось, что «общество для донесения с жалобой... к покойному и вечной памяти достойному Государю Императору Александру Павловичу посылало непременно работника Никифора Долгих в Санкт-Петербург», но «произведенные жалобы и по сие время лежат закрытыми в молчании, а приказчик Сычёв, между тем, мстя своим недоброжелательством ко всем разоренным бедным и неимущим людям сутубо прежнего производит различные мучения и на теле наказания».⁴⁷

³⁷ См.: Вагина П. А. Волнения на Авзяно-Петровских заводах после Крестьянской войны под руководством Пугачёва (1755–1781 гг.) // Из истории Урала (сборник статей). Свердловск, 1960. С. 50–54.

³⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 61. Л. 2.

³⁹ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 356. Л. 125об.–126.

⁴⁰ РГИА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.

⁴¹ Рабочее движение... С. 260.

⁴² Там же. С. 163.

⁴³ РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 46. Л. 34.

⁴⁴ Рабочее движение... С. 448.

⁴⁵ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 357. Л. 35, 50.

⁴⁶ Там же. Д. 356. Л. 126.

⁴⁷ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 87. Л. 66.

Любой текст отражает мировоззрение автора (в том числе и вопреки желанию автора), но каждый текст нуждается в критическом прочтении. «Мысль изреченная есть ложь» (Ф. Тютчев). Прошения писались, конечно, не ради адекватного отражения мировоззрения авторов, а для воздействия на воспринимавшего субъекта, ради убеждения конкретного реципиента в правоте и обоснованности притязаний просителей. Искажения оценок и смыслов были не только возможны, но и присущи прошениям как жанру. Так, отсутствие упоминаний о царе в прошениях строгановских крепостных рабочих на имя барина-заводчика, конечно, не равно отсутствию царя в их представлениях о существовавшем миропорядке. И, наоборот, упоминания царя вместе, параллельно и наравне с богом в прошениях горнозаводских людей могут свидетельствовать как о вере просителей в сакральную природу монархии, так и об использовании сочинителями речевых канонов, принятых для такого рода документов. Старообрядцы, ощутившие ужесточение религиозной политики в

период правления Николая I, превозносили, ставили в пример былую веротерпимость Екатерины II и Александра I. В представлениях иных заводских людей царь, вероятно, представлялся не в образе конкретного правителя, а как воплощение и олицетворение идеи высшей власти. В отличие от жителей Петербурга, Москвы, Европейской России, уральцы имели шанс увидеть государя лишь однажды — во время путешествия Александра I в 1824 г. Высшая власть противопоставлялась власти региональной, местной, заводской и должна была быть справедливой (то есть отзывчивой к нуждам и требованиям заводских людей) — справедливость ее выражалась в законах. Отрицание этого постулата лишало смысла саму подачу прошений и потому в таких документах не присутствовало. Однако в прошениях встречаются сомнения в эффективности царской власти, в том, что все законы исходят от монарха и отражают его державную волю. И чем жестче была конфронтация, в условиях которой создавались прошения, тем откровеннее высказывались такие сомнения.

Vladimir A. Shkerin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: shkerin_uit@mail.ru

THE CONCEPTS OF “TSAR” AND “LAW” IN THE PETITIONS
OF MINING AND METALLURGICAL PEOPLE OF THE URALS IN
THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

The article analyzes the content and interrelation of the concepts “tsar” (and synonymous with it — “monarch”, “sovereign emperor”, etc.) and “law” (“decree”, etc.) in the texts of petitions submitted on behalf of employees of state and private mining plants of the Urals, as well as from members of their families in the first half of the 19th century. The source base of the study comprises more than 170 unpublished petitions identified by the author in the RGIA, RGADA and the State Archive of the Sverdlovsk region. The authenticity of these petitions does not exempt the researcher from the need for a critical analysis of their content. The petitions were written in the conditions of confrontations and disputes, so the characteristics and value judgments in them suffer from exaggerations. The tsar is represented in the image of a sacred force and the main legislator. The laws serve as an instrument of expressing the highest and just will of the tsar. However, the authors of the petitions realized that the state is not only the sovereign. In addition to the “decrees of His Imperial Majesty”, other legal acts are mentioned in the petitions, the connection of which with the supreme will was not so obvious. Factory and regional administrations were represented as a force opposing the tsar, the laws and the petitioners themselves. These administrations allegedly misinterpreted tsarist decrees, manipulated legal acts and even created their own unrighteous “laws”. And if the justice of the tsarist power remained unquestionable, its effectiveness caused certain doubts.

Keywords: *Urals, the first half of the 19th century, mining and metallurgical people, tsar, monarch, emperor, law, decree*

REFERENCES

- Bazhova A. P. [Egor Dyuryagin — head of the unrest of the workers of the Berezovsky gold mines]. *Voprosy sotsial'no-ekonomicheskoy istorii i istochnikovedeniya perioda feodalizma v Rossii* [Questions of socio-economic history and source studies of the period of feudalism in Russia]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1961, pp. 171–175. (in Russ.).
- Bykov V. M. *Vozmutiteli (bunty v Revdinskom zavode v 1826 i 1841 godah)* [The troublemakers (riots in the Revdinsky factory in 1826 and 1841)]. Sverdlovsk: Uralkniga Publ., 1925. (in Russ.).
- Cherkasova A. S. [Petitions of artisans and working people as a historical source on the history of the condition and class struggle of the working people of the Urals]. *Novyye istochniki po istorii klassovoy bor'by trudyashchikhsya Urala* [New sources on the history of the class struggle of the working people of the Urals]. Sverdlovsk: UNTs AN SSSR Publ., 1985, pp. 16–29. (in Russ.).
- Chudinovskiy V. A. [Petitions of workers as a source on the history of the Labor movement in Russia]. *Ural'skiy arkheograficheskiy yezhegodnik za 1973 god* [Ural Archeographic Yearbook for 1973]. Sverdlovsk: Ural'skiy gos. universitet Publ., 1975, pp. 133–139. (in Russ.).
- Gorlovskiy M. A., Pyatnitskiy A. N. *Iz istorii rabochego dvizheniya na Urale: Ocherki o polozhenii krepostnykh rabochikh Srednego Urala i ikh bor'be za likvidatsiyu krepostnichestva (1800–1870 gg.)* [From the history of the Labor movement in the Urals: Essays on the situation of the serf workers of the Middle Urals and their struggle for the elimination of serfdom (1800–1870)]. Sverdlovsk: Sverdligiz Publ., 1954. (in Russ.).
- Gurevich A. Ya. [Social history and historical science]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1990, no. 4, pp. 29–38. (in Russ.).
- Iz istorii Urala: Ural s drevneyshikh vremen do 1917 goda: sbornik dokumentov i materialov* [From the history of the Urals: The Urals from ancient times to 1917: a collection of documents and materials]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1971. (in Russ.).
- Kazhdan A. P. *Vizantiyskaya kul'tura (X–XII vv.)* [Byzantine culture (10th–12th centuries)]. Moscow: Nauka Publ., 1968. (in Russ.).
- Litvak B. G. *Krest'yanskoye dvizheniye v Rossii v 1775–1904 gg. Istoriya i metodika izucheniya istochnikov* [The peasant movement in Russia in 1775–1904. History and methods of studying sources]. Moscow: Nauka Publ., 1989. (in Russ.).
- Orlov A. S. [Petitions of the Ural mining population to the commission of A. A. Vyazemsky (1763–1764)]. *Ural'skiy arkheograficheskiy yezhegodnik za 1971 god* [Ural Archeographic Yearbook for 1971]. Sverdlovsk: Ural'skiy gos. universitet Publ., 1974, pp. 135–152. (in Russ.).
- Pihoya R. G. *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' trudyashchikhsya Urala (konets XVII — XVIII vv.)* [Socio-political thought of the workers of the Urals (end of the 17th — 18th centuries)]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1987. (in Russ.).
- Pokrovskiy N. N. [The complaint of the Ural factory peasants of 1790]. *Sibirskaya arheografiya i istochnikovedenie* [Siberian Archeography and Source Studies]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1979, pp. 155–182. (in Russ.).
- Pundani V. V. [Complaints and petitions of the state peasants of the Tobolsk province in the first half of the 19th century]. *Iz istorii Yuzhnogo Urala i Zauralya: sb. statey* [From the history of the Southern Urals and Trans-Urals: a collection of articles]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoye kn. izd. Publ., 1975, iss. 9, pp. 60–64. (in Russ.).
- Rabocheye dvizheniye v Rossii v XIX veke: sbornik dokumentov i materialov* [The labor movement in Russia in the 19th century: a collection of documents and materials]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1955, vol. 1, part 2. (in Russ.).
- Raskin D. I. [The use of legislative acts in peasant petitions of the mid-18th century (Materials for the study of the social consciousness of the Russian peasantry)]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1974, no. 4, pp. 174–192. (in Russ.).
- Rusanova S. V. [The terms chelobitnaya and petition in the legislative acts of the 18th century]. *Acta Linguistica Petropolitana: Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana: Transactions of the Institute for Linguistic Studies], 2016, vol. 12, no. 3, pp. 705–716. (in Russ.).
- Shkerin V. A. [On the characterization of the Political and Legal consciousness of the Ural workers of the first half of the 19th century (based on the petitions of the attorney of the artisans of the Berezovsky gold mines

Е. Т. Dyuryagin)]. *Vlast', pravo i narod na Urale v epokhu feodalizma* [Power, law and people in the Urals in the era of feudalism]. Sverdlovsk: In-t istorii i arkheologii Publ., 1991, pp. 165–179. (in Russ.).

Timofeev D. V. *Evropeyskiye idei v sotsial'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossiyskogo poddannogo pervoy chetverti XIX veka* [European Ideas in the Socio-Political Lexicon of an educated Russian citizen of the first quarter of the 19th century]. Chelyabinsk: Entsiklopediya Publ., 2011. (in Russ.).

Uspensky B. A. *Izbrannye Trudy. 2-e izd.* [Selected works. 2nd edition]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996, vol. 1. (in Russ.).

Vagina P. A. [Unrest at the Avzyan-Petrovsky factories after the Peasant War under the leadership of Pugachev (1755–1781)]. *Iz istorii Urala: (Sbornik statey)* [From the history of the Urals: (Collection of articles)]. Sverdlovsk: Kn. izd-vo Publ., 1960, pp. 50–54. (in Russ.).

Для цитирования: Шкерин В. А. Понятия «царь» и «закон» в прошениях горнозаводских людей Урала первой половины XIX в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 103–111. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-103-111.

For citation: Shkerin V. A. The concepts of “tsar” and “law” in the petitions of mining and metallurgical people of the Urals in the first half of the 19th century // Ural Historical Journal, 2022, no. 3 (76), pp. 103–111. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-103-111.